

Пошли они въ горницу, попиروвали много ли, мало ли времени; онъ взялъ свою хозяйшку да и въ свое царство уѣхалъ жить да поживать да добра наживать да лиха избѣгать.

Запис. отъ Ѳ. В. Огаркова. Онежскій у. 1912 г.

7. Братъ и сестра - лиходѣйка.

Въ одной деревни жилъ старикъ съ молодой жонкой, его перва померла. Отъ первой дѣти остались,—дѣвушка да мальчикъ. Онъ женился на второй. Мачеха дѣтей не влюбила.

— Ну, поведи, куда знаешь, чтобы ихъ не было праху.

Принужденъ былъ старикъ вести робятъ въ лѣсъ.

Идетъ онъ со своимъ дѣточками лѣсомъ по тропинки; какъ-то отъ ихъ и укрался, убѣжалъ въ лѣсъ, чтобы его не видали. Они поревѣли, поревѣли да и пошли по тропинки оръю. Вдругъ видятъ — фатерка взарѣкой стоитъ небольшая. Изъ фатерки вышелъ старичокъ.

— Што вы, дѣточки, плачете, маленьки?

— Какъ, дѣдушко, не плакать: заблудилисе, не знамъ, гдѣ ходимъ.

— Ой вы, дѣточки! Пойдите на бережку, я васъ сейчасъ къ собѣ переведу.

Этотъ старикъ слѣзалъ на подволоку, взялъ шириночку; этой шириночкой махнулъ, и сдѣлался мостъ.

— Ну, дѣточки, переходите по мосту на здѣшнюю сторону ко мнѣ.

Робятка обрадѣли, къ нему и перешли. Онъ повелъ ихъ въ фатерку, напоилъ, накормилъ и спать повалилъ. Вотъ наутро сталъ:

— Дѣточки, ставайте! Вотъ тебѣ, доброхотъ, вся моя приправа; вотъ тебѣ мое ружье, мой кобель, поди промылять, какъ я весь свой вѣкъ, промыляй, стрѣлай, что попадетъ; а ты, дѣвушка, будь мнѣ дочкой, пеки и стряпай на насъ.

Мальчикъ сталъ въ лѣси ходить хорошо и больше дѣдка сталъ дичи носить, звѣрья и всего; варите, сколько угодно. А сестрица стряпать у него.

Вдругъ этотъ дѣдушко какъ-то нездоровъ сдѣлался да и помёръ. Они его и похоронили, зарыли.

Ходить охотникъ въ лѣси и хорошо промыслятъ, а дѣвушка живетъ при домѣ. Выросли, стали великоньки.

Вотъ онъ ушолъ на промыселъ, а дѣвушка вышла на берегъ и видить, ходитъ красавчикъ добрый молодецъ. Она смотритъ на него и не насмотрится.

Тотъ спросилъ у нее:

— Что ты, дѣвушка, смотришь?

— Да смотрю, ты мнѣ заказался больнѣ красивъ ужъ.

— Ну, когда, говорить, заказался, такъ перевези въ рѣку.

— А какъ я тебя перевезу?

— Да такъ, ты слышала отъ дѣдушка, что ширинка на подволокъ,—какъ онъ васъ перевёлъ, такъ и меня переведи этой ширинкой.

Сбѣгала она на подволоку; взяла эту ширинку, махнула, и сдѣлался мостъ. Молодецъ и перешолъ къ ей. Ну, другъ дружкѣ заказались, зашли въ фатерку, стали цѣловаться и все по-хорошенькому. Вдругъ тотъ увидалъ, что братъ ее идетъ.

— Вонъ твой братъ идетъ съ охвоты, а я-то куда?

Взялъ обернулся булавкой и говорить:

— Заткни меня подъ потолокъ, чтобы кобель не досталъ.

Вотъ ея братъ потомъ пришолъ въ фатеру. Фатеру отворилъ; кобель заскочилъ, да какъ началъ рвать стѣны, только сарги летять. Она и говорить:

— Брателко, что эдако кобель-етъ дѣлать, уйми, что эко?

Онъ кобеля закликнулъ. Сейчасъ сестра собрала ему ужину. Сѣлъ, поужиналъ и спать повалился; а кобель всё ворчитъ; хоть не смѣетъ ходить, что унять, а лежитъ и харьчить.

Ночь проспалъ, по утру всталъ, сестра завтракъ приготовила. Позавтракалъ да и отправляется по-старому въ лѣсъ; какъ слѣдуетъ быть.

Вотъ онъ ходитъ въ лѣси; а сестра выхватила булавку, обернула ее добрымъ молодцомъ и любитъ съ тѣмъ. Онъ и говорить ей:

— Какъ бы его уходить? Вотъ что, говорить, ты сдѣ-

лайсе седни нездорова. Какъ придетъ твой братъ изъ лѣсу, ты ужина ему не сподобляй, а меня оберни опять булавкой да повыше прилипи, чтобы кобель не досталъ.

Разсказалъ ей все, какъ мать говорить. Вотъ та повалилася, лѣжить въ постели, будто не вставала.

Пришолъ Ванюшка домой. Только отворилъ двери, а кобель впередъ заскочилъ и опять заходилъ, харьчить, воетъ.

— Брателко, я не могу, сократи кобеля, чтобы онъ не рвалъ ничего, не лаялъ да-й.

Тотъ сократилъ кобеля, кобель не сталъ лаять.

— Брателко, собери на столъ самъ, тамъ напечено, наварено. Я ничего не могу, какъ самъ знаешь!

Онъ поужиналъ, кобеля накормилъ, а кобель всё харьчить, чувствуетъ, что нечистый духъ есь, а не знаетъ, гдѣ взять.

Ночь Иванушко проспалъ, поутру всталъ, а у сестры и завтракъ не варенъ. Поѣлъ хлѣба-соли и отправляется въ Сузѣмокъ.

— Вотъ что, говоритъ, брателко, сходи ты въ Волчьи острова, я слыхала, тамъ такіе есь (это ей тотъ разсказалъ, какъ уморить то его надо: онъ пойдетъ въ Волчьи Острова, тамъ его волки заѣдятъ, а мы съ тобой жить будемъ, какъ его то не будетъ) да принеси отъ волчихи молока.

— Хорошо, сестрица, дай, гдѣ тунсокъ, я нацижу отъ волчихи молока.

— А бери, самъ знаешь.

Вотъ онъ взялъ тунсокъ и пошолъ въ Волчьи острова. Идетъ островами, волчиха бѣжитъ ему встрѣту. Онъ ска- залъ ей:

— Волчиха, я тебя пострѣлю.

— Нѣтъ, Иванушко, не стрѣлей, а што тебѣ мать, то и бери.

Онъ подошолъ, нацидилъ тунсокъ отъ волчихи и отправляется домой. Волчиха еще ему волка дала:

— На, возьми, Иванушко, волка; тебѣ веселіе будетъ, больше охвоты.

Пошолъ домой, понёсъ сестрицы молоко.

— Вонъ идетъ, говоритъ сестра; ты сказалъ, что волки его загрызутъ въ Волчьихъ островахъ, а онъ ешно волка ведётъ, а не то, что загрызутъ!

Тотъ опять обернулся булавкой, она его улипила, а сама легла въ постелю. Иванушко двери отворилъ, а кобель да волкъ заскочили и начали рвать стѣны; не знаютъ, гдѣ что взять, а слышатъ: незгода есь въ фатеры. Братъ принёсъ этого молока.

— На вотъ, сестрица, пей.

Самъ поужиналъ и легъ спать, охвоту закликнулъ. Ночь проспалъ. Поутру сестра встала и завтракъ приготовила, будто здрава сдѣлалась, какъ молоко принесли, а сама и въ ротъ не брала. Позавтракалъ опять Иванушко и ушолъ въ лѣсъ. Ушолъ въ лѣсъ, а она опять булавку вынула и съ тѣмъ опять возждается и угощается.

— Ну, вотъ ты сказалъ, ему не бывать живому, а онъ ешшо волка привёлъ.

— Ну, опять сдѣлайся нездорова! опять ложить ее на постелю.

Она опять и легла, онъ опять булавкой обернулся, а она булавку улипила высоко.

Идетъ Иванушко съ промыслу, приходитъ опять въ фатеру. Охвота опять давай буянить.

— Что ты, брателко, далъ эку волю охвотѣ! Я не могу терпѣть, опять нездорова.

Онъ спросилъ:

— Сестрица! И ужины собрать не можешь?

— Не могу, братецъ:

Онъ самъ собралъ да-й поужиналъ и спать легъ.

Ночь проспалъ, поутру всталъ—и завтракъ у сестры не готовъ. Поѣлъ, чого пришлось, опять и отправляется.

— Вотъ что, брателко, ночёсь мнѣ пришивѣлось, чтобы сходилъ ты въ Медвѣжьи острова да взялъ ты у медвѣдицы молока,—я бы поправилась.

— Хорошо, сестрица! гдѣ туишь?

— А самъ знаешь, гдѣ туишь.

Вотъ онъ взялъ туишь и отправился въ путь-дорожку широку, и прямо идетъ въ Медвѣжьи острова. Медвѣдица бѣжитъ съ медвѣдями.

— Медвѣдица, говорить, я тебя пострѣлю.

— Нѣтъ, Иванушко, не стрѣлей, а что тебѣ нать отъ меня, то и бери.

— Молока надоть отъ тебя.

— Циди.

Вотъ онъ взялъ отъ медвѣдицы молока, нацидилъ въ туисокъ, отправляется домой. Медвѣдица медвѣдя дала ему,—ему теперь охвоты довольно.

Приходить домой, только двери отворилъ, охвота опять подлѣ стѣнъ и заходила.

— Что ты, брателко, далъ эку волю охвотѣ? Терпѣть я не могу экого вою.

Иванушко умирилъ охвоту, собралъ чего, поѣлъ да-й спать завалился. Ночь проспалъ, поутру всталъ, утромъ она ему завтракъ приготовила, будто здорова стала съ медвѣдицына молока.

Позавтрокалъ да и опять на охвоту ушолъ. Проходилъ день, а сестра опять здорова, съ тѣмъ любитъ.

— Вотъ ты сказалъ, медвѣди его загрызутъ, а онъ ишшо медвѣдя взялъ у нихъ.

— Ну дакъ ладно, говоритъ, ты сегодня опять сдѣлайся нездорова и пушшай онъ сходить во Львины острова, ото львицы молока принесетъ,—вотъ онъ какъ выдумывать, уходить все-таки надо.

Вдругъ увидали идетъ Иванушко. Пришолъ домой, отворилъ двери, охвота опять забѣжала впередъ. Страшко подумать, что вытворяютъ: кто лаетъ, кто воетъ, кто рѣмбать. А та кричитъ:

— Терпѣть я не могу, брателко, экого шуму.

Онъ опять охвоту закликалъ.

— Что, сестрица, и ужину собрать не можешь?

— Нѣтъ, не могу, братецъ.

Онъ самъ собралъ да поужиналъ, накормилъ охвоту и спать завалился. Ночь проспалъ, поутру сестра его стонетъ, завтрака не справляетъ. Онъ самъ позавтрокалъ и отправляется опять на охоту. Она и говоритъ ему:

— Брателко! возьми ты туисокъ и сходи ты во Львины острова, принеси мнѣ ото львицы молока, такъ я, можетъ быть, и поправлюсь.

— Хорошо, сестрица, давай тѣисъ.

Взялъ тѣисъ и пошолъ со своей охвотой. А она скочила съ постели, вынула булабочку, и начали они своё творить, любоваться.

Иванушко прямо во Львины острова садитъ опять.

Львиха бѣжитъ ему встрѣту.

— Львиха! я тебя пострѣлю.

— Не стрѣлей, Иванушко! что тебѣ нать, то и бери отъ меня.

— Молока мнѣ нать отъ тебя.

— Ну, и бери.

Иванушко нацидилъ туйсокъ молочка и отправляется домой. Львиха и говоритъ:

— Возьми льва, я тебѣ дамъ.

Эхъ, и охвоты теперь у Иванушки: и волкъ, и медвѣдь, и лѣвъ, всѣ кричатъ, каждый по своему.

Иванушко идетъ домой. А сестра увидала его и говорить своему:

— Вотъ ты сказалъ, львы его загрызутъ, а онъ льва ведетъ.

Обернула его булавкой и заткнула въ стѣну повыше.

Пришолъ Иванушко домой, дверь отворилъ, а охвота впередъ забѣжала и давай опять вытворять.

Волкъ, тотъ воетъ, а медвѣдь рѣмбать, а лѣвъ кричитъ по-львиному.

— Брателко, кричитъ сестра, закликни, пожалуста, свою охвоту, не могу терпѣть: экое безобразіе у тебя ведется.

Закликнулъ Иванушко охвоту, дѣлать нечего.

— Брателко! собери ты самъ, я не могу ужъ встать съ постели.

Тотъ собралъ самъ, охвоту накормилъ и спать завалялся. И охвота угомонила, хотъ харьчить.

Ну, вотъ онъ ночь проспалъ, поутру всталъ, а она ему завтракъ приготовила: вишь, львиного молока попила, такъ и здрава сдѣлалась. Позавтракалъ Иванушко и отправляется со всей охвотой въ лѣсъ. Вотъ и ходитъ въ лѣси долго ли тамъ, коротко ли, ходилъ и домой попадаетъ.

А другъ ея и говоритъ:

— Ты опять сегодня сдѣлайся нездорова, такъ, чтобы едва слово-то знать. Ночь проспяти онъ, какъ стать отправляться, такъ ты скажи ему, этакъ худо, скрозь зубы, пушай онъ сходить въ Соколины острова, пусть принесетъ отъ соколихи яйцо, такъ я и здорова сдѣлаюсь. Тамъ, говоритъ, онъ съ визгу пропадетъ. Какъ соколы засвишшатъ со всѣхъ сторонахъ, такъ ему не стерпѣть, онъ и пропадетъ.

Увидали Иванушка. Она его опять въ булавочку и улипила повыше въ стѣнку.

Иванушко пришолъ въ домъ, двери отворилъ, а охвота опять воетъ, кто какъ можетъ. Сестра опять и кричить:

— Брателко, уйми эо бесчинсво!

Братъ услыхалъ ее рѣчи и закрикнулъ охвоту.

Самъ собралъ поужинать чого-нибудь, и охвоту накормилъ и спать завалился. Ночь проспалъ, поутру всталъ, позавтракалъ самъ кое-чего, и охвоту накормилъ. А сестра и говоритъ ему скрозъ зубы:

— Братецъ, хорошо бы, кабы ты сходилъ въ Соколины острова, принёсъ бы отъ соколихи яйцо, я бы здрава сдѣлалась.

Выслушалъ ее рѣчи и отправился прямо въ Соколины острова, никуда больше не приворачивалъ: ходить сколько годовъ, знаетъ, гдѣ есь. Летить соколиха.

— Соколиха! говорить, я тебя пострѣлю.

— Нѣтъ, Иванушко, не стрѣляй меня. Что тебѣ нать отъ меня, то и бери.

— Яйцо мнѣ нужно.

— На, бери яйцо.

Яйцо взялъ и положилъ въ корманъ и отправляется домой. Соколиха и говоритъ ему:

— Возьми отъ меня сокола, я тебѣ дамъ.

Вотъ онъ пошолъ домой; охвоты у него довольно: соколъ летитъ впереди и охвота впереди машетъ.

Сестра увидала его.

— Вотъ ты говорилъ, что онъ тамъ пропадетъ съ визгу, а онъ домой опять идетъ.

Пришолъ Иванушко домой, двери отворилъ, — охвота впередъ заскочила и опять начала вытворять, — кто воетъ, кто рѣмбать, а лѣвъ-звѣрь потяпывать, — что такó и дѣется, и соколъ посвистывать. А сестра кричить:

— Братецъ, закрикни охвоту: я изъ терпѣнья вышла.

Онъ охвоту закрикнулъ; охвота больше не гу-гу: слушать вѣдь хозяина. Опять Иванушко поужиналъ и охвоту накормилъ и спать завалился опять, яйцо отдалъ ей. Она это яйцо пила, ли нѣтъ, а здрава сдѣлалась; шишъ ее знать, пила ли, я тамъ не былъ. Поутру ему и завтракъ сдѣлала, собрала какъ слѣдуетъ быть.

Опять отправился Иванушко на охвоту. А сестрица вернула дружка и сказала:

— Вотъ ты говорилъ, его соколы засвистятъ, а онъ сокола съ собой принесъ.

— Вотъ что опять ты сдѣлай. Стань совсѣмъ нездорова даже вовсе, и пушшай онъ сходить, есь заводъ въ такомъ-то мѣсти, трои двери желѣзныя полы стоятъ въ заводи, пушшай принесетъ тебѣ опоки. Ты муки этой поѣшь, такъ и здрава сдѣлаессе.

Опять и идетъ брателко изъ лѣсу. Пришолъ онъ домой опять, двери отворилъ; охвота заскочила впереди его, опять и заходила въ фатеры, опять творить свое, готова расхватить квартиру.

-- Братъ, уйми ты, ради Бога, терпѣть не могу.

Братъ охвоту опять закликнулъ, охвота замолкла, лежитъ. Собралъ Иванушко ужину, самъ поужиналъ и охвоту накормилъ и спать повалился. По утру всталъ,—сестра завтрака не приготовляетъ, нездорова лежитъ, едва и здышетъ. Самъ завтракъ собралъ, позавтракалъ. Она и говоритъ:

— Брателко, есь въ такомъ-то мѣсти заводъ такой-то мукомельный, принеси ты опоки изъ этого заводу: я здрава сдѣлаюсь.

— Хорошо, сестрица, схожу.

Прямо отправился въ заводъ. Въ заводъ охвота заскочила, а самъ ешшо не заскочилъ, а двери сами заперлись, охвота тамъ и попала въ замокъ, только соколъ не попалъ, сидитъ на хоромахъ и охвоты ждетъ.

Иванушко домой пошолъ одинъ, безо всякой охвоты. Заходитъ въ фатеру. Молодецъ этотъ и говоритъ ему:

— А, другъ, мнѣ того-то и надо, штобы ты одинъ пришолъ: сичасъ тебя съѣмъ.

— Что ты меня, говоритъ, будешь ѣсть,—я столько времени въ лѣси ходилъ, весь лѣсомъ пропахъ, нехорошо. Дай я сначала баенку вытоплю, тебѣ почише будетъ ись.

— Ну, ладно, топи.

Вотъ онъ пошолъ баенку топить. Колетъ дрѣвца. Вдругъ соколъ летитъ, кричить:

— Иванушко, помаленечку баенку топи: твоя охвота ужъ двери пригрызла, за третью принялась.

Иванушко сталъ топить байну. Баенку изготовилъ. Охвота налетѣла ужъ къ байны. Онъ и пошолъ въ фатеру.

— Байна, говорить, готова.

— Ну, поди и прѣйся: помягче будетъ ись.

Вотъ онъ ушолъ въ баенку, моется тамъ, намывается. Охвота стала по разнымъ мѣстамъ. Медвѣдь сталъ по одну сторону передъ байной, лѣвъ-звѣрь по другую сторону, волкъ да кобель тѣ тоже по одной да по другой стороны, а соколъ тотъ на крышы сидить.

Этотъ молодецъ справился въ байну, летить, думаетъ: „Тутъ и скушаю“. Какъ только ногу закинулъ передъ байню, какъ звѣрь-лѣвъ схватилъ его да медвѣдь, какъ начали мякушить, а волкъ и медвѣдь прирвали его въ лепёсы. Иванушко вышелъ изъ баенки, одѣлся, обулся, вышелъ, сносилъ эти кусочки въ кучу и сжогъ, и его званья рѣшилъ, по полю и песокъ разсѣялъ.

Такъ опять Иванушко съ сестрицей живетъ. А сестрица всё горюетъ, что дружка уходилъ. А онъ въ лѣси ходитъ и въ умахъ не дѣржитъ.

Эта сестрица тужить по дружкѣ и ходитъ по тому мѣсту, гдѣ песокъ разсѣянъ, и нашла зубъ отъ его и положила брату подъ подушку.

Братъ пришолъ. Ова напоила его, накормила.

Охвота опять, слышитъ нечистаго духа,—кто ходитъ, порѣмбывать, кто воетъ, кто лаетъ.

Иванушко покушалъ да-и спать улѣгся. Этотъ зубъ зашолъ ему въ ротъ, онъ и мертвъ сдѣлался, померъ. Сестрица взяла его въ рѣку и стянула, а охвота-то какъ-то прокараулила, какъ та его тащила въ воду.

Охвота проспалася и давай бѣгать и искать хозяина, не знаютъ, гдѣ што и взять. Ыѣгали, бѣгали, соколъ леталъ, леталъ и увидалъ, что онъ въ рѣки лежитъ на днѣ. Охвоты сказалъ, что тутъ хозяинъ.

Охвота и бросилася туды, гдѣ онъ лежитъ. Прибѣжали.

— Ну, волчѣнко, скамандовалъ лѣвъ-звѣрь, тащи хозяина изъ воды.

Волчѣнко чубурахнулъ, подташшылъ, не можетъ выташшеть.

— Ну, медвѣдь проклятый, бросайся въ воду, ташшы хозяина.

Тотъ подташлылъ, не можетъ выташшыть.

— Ахъ вы, говорить, прокляты стертвѣ, не можете достать хозяина.

Сейчасъ самъ бухъ въ воду, захватилъ хозяина и выкинулъ на берегъ. Выкинулъ на берегъ, посмотрѣлъ, что зубъ въ ротъ,—вытянуть некакъ: лапы широки.

— Ну, волчѣнко, говорить лѣвъ, лови зайца, тотъ хлу-поглазыи выташшытъ, бывать.

Волкъ сечасъ приташшылъ зайца. Они ему показываютъ, а онъ и въ уми не держитъ, чтобы нать лапы запехать. Помучились, помучились да и разорвали его на части и скушали вмѣстѣхъ.

— Ну, волкъ, бѣжи за лисицей: та хороша, лукава, та знаетъ, что дѣлать.

Вотъ волкъ бросился за лисицей и поималъ лисѣву и показывать ей, что запехай лапу и ташшы зубъ. Та нара-зѣкъ поняла, лапу запѣхала и выташшыла зубъ. Хозяинъ и ожилъ. Пришолъ домой, взялъ сестрицу да повѣлъ въ полѣ, да выкопалъ яму; въ яму по грудямъ ее зарылъ. Взялъ двѣ бочки поставилъ, по ту сторону и по другую, чтобы ей лъзя слѣзы ронить, и сказалъ:

— Вотъ, сестрица, въ котору бочку больше слезъ на-ронишь,—эта моя, а та твоя,—въ моей али въ дружковой. Если въ моей больше будетъ, я тебя прошу во всѣхъ грѣхахъ, а если въ егѣвой больше, дакъ въ томъ же мѣсти и закопаю.

Самъ ушолъ домой. Опять ходить за охвотой, какъ и раньше ходилъ, день, два, можетъ и недѣлю, а въ бочку всё не гледить.

Пришолъ, посмотрѣлъ: въ его-то бочки совсѣмъ сухо, а въ друговой-то бочки полбочки слѣзъ наронено. Сечасъ онъ её закопалъ да и зарылъ въ томъ мѣсти, и бочку на ей накрылъ со слезами.

Самъ пошолъ въ фатеру, сталъ одинъ жить да по-старому ходить на охвоту.

Вотъ и сказка вся, больше рассказывать нельзя.

Такъ, братъ, д ужки-то дороже родныхъ братьевъ, видно.

Зап. отъ Ѳ. В. Очаркова. Онежскій у. 1912 г.